

Анна
Долгова

Развод

ОН НЕ ЗНАЛ О СЫНЕ

Анна Долгова

Развод. Он не знал о сыне

<https://litres.ru/74238748>

Аннотация

- Демид Денисович, идем!

Демид Денисович.

Одиннадцать лет назад я развелся с женщиной, которую любил. Она сказала, что не хочет детей. Я поверил. Ушел, построил бизнес, научился жить с пустотой внутри. Теперь у меня новая жизнь, новая женщина, ее сын – проблемный вратарь, которого я пытаюсь воспитать.

А сегодня в кабинете директора я увидел ЕЕ.

Кира вошла и сделала вид, что не знает меня. Села рядом с мальчишкой, который весь вечер сверлил меня взглядом. Тот самый пацан, что дерется с моим пасынком. Тот самый, что сидел спокойно, пока все вокруг орали. Тот самый, чей упрямый подбородок и холодные глаза показались мне до боли знакомыми.

«Савельева Кира Алексеевна», - представилась она директору.

Она оставила мою фамилию.

Мы развелись одиннадцать лет назад. Ему на вид... одиннадцать. У него мои глаза. Мой подбородок. Мой взгляд исподлобья.

Она смотрела на меня так, будто я призрак. А он смотрел так, будто уже знает ответ на вопрос, который я только начинаю задавать.

Совпадение? Или у меня есть сын, о котором я не знал?

♥#ОТ АВТОРА: ДОРОГИЕ МОИ ЧИТАТЕЛИ!
ПРЕДЛАГАЮ НОВЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ БЫВШИХ
СУПРУГОВ. БЫВАЮТ ЛИ ЧУВСТВА "БЫВШИМИ"? А
ДЕТИ ОТ БЫВШИХ ЖЕН? КНИГА, ДОБАВЛЕННАЯ В
БИБЛИОТЕКУ, НИКОГДА НЕ ПОТЕРЯЕТСЯ.

ВНИМАНИЕ! ПУБЛИКАЦИЯ ГЛАВ ПО НЕЧЕТНЫМ
ЧИСЛАМ!

Содержание

Глава 1. Денис	5
Глава 2. Денис	11
Глава 3. Кира	18
Глава 4. Денис	27
Глава 5. Денис	35
Глава 6. Кира	44
Глава 7. Денис	51
Глава 8. Кира	58
Глава 9. Денис	65
Глава 10. Кира	72
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1. Денис

Я ненавижу чужие истерики. Особенно детские. Особенно когда они выдергивают меня из переговоров, где решается судьба участка в два гектара в центре города.

- Денис, ну пожалуйста! – Эмма теребит мой рукав, глядя огромными глазами, от которых три года назад у меня подкашивались ноги. – Илья звонил, он рыдал, он сказал, что если мы не приедем, он сбежит из дома! Ты же знаешь, какой он чувствительный!

Я знаю. Илью я кормлю дорогими кроссовками, айфонами и поездками на море, но понятия не имею, что творится у мальчишки в голове. Впрочем, как и у его матери.

- Ладно, - бросаю я, завершая разговор по телефону с адвокатом. – Едем.

Вечерний город плывет за тонированными стеклами «Мерседеса». Эмма красит губы, в сотый раз повторяя, что Илья – гений, просто его никто не понимает, особенно этот новый тренер и эти... эти... она даже не знает, кто там у них в команде.

Я молчу. Думаю о сделке, о проценте, о том, что в сорок три года тащить на себе чужие проблемы как-то... несолидно. Но Эмма красива, а я одинок. Простая арифметика.

Школа встречает запахом хлорки и казенного одиночества. Пустые коридоры, лампы дневного света, гул где-то в

глубине здания. Кабинет директора на втором этаже – тяжелая дверь с табличкой «Сабурова Галина Петровна».

Я вхожу первым.

За длинным столом сидит женщина лет пятидесяти с идеально прямой спиной и такими же прямыми губами – директор. Рядом с ней – тренер, коренастый мужик в спортивном костюме с вытянутыми коленками. Я мельком отмечаю, что лицо у тренера знакомое, но не лезу в память.

Напротив них, на стульях у стены, сидят двое мальчишек.

Илья – красный, взъерошенный, с мокрыми от слез глазами, но при этом злой, как щенок, которого оттащили от миски. Его кулаки сжаты, плечи ходят ходуном.

И второй.

Я видел его раньше. Пару раз, мельком. На тренировках, когда заезжал за Илей. Но тогда я просто скользил взглядом по чужим детям, не задерживаясь. Сейчас – задержался.

Мальчик сидит абсолютно спокойно. Руки сложены на коленях, спина прямая, взгляд внимательный, немигающий. Он смотрит не на Илью, не на тренера, а куда-то в точку между ними, словно просчитывает шахматную партию. Ни слез, ни злости, ни испуга. Только легкое презрение в уголках губ.

Я вдруг ловлю себя на мысли, что этот пацан мне... нравится. Странное чувство. Чужой ребенок, а глаз не оторвать.

- Ну наконец-то! – Эмма влетает в кабинет, загрохотав каблуками, прижимая сумочку к груди. – Илья, Илюша, что случилось? Тебя обидели?

Илья дергается, как от пощечины.

- Мам, я же просил... ты чего как маленькая...

Он стесняется ее. Я вижу это впервые и удивляюсь: Илья всегда любил быть в центре внимания, а тут прямо сжался весь.

- Садитесь, господа, - голос директора не предполагает возражений. – Ждем еще одного родителя и начнем.

- Кого? – Эмма садится, закидывает ногу на ногу, демонстрируя идеальные лодочки. – Мы здесь, Илья здесь, тренер здесь. Чего ждать?

- Мать второго мальчика, - директор кивает на спокойного пацана. – Демида.

Демид.

Я повторяю имя про себя. Странное, редкое. И лицо такое же – не детское, взрослое.

Илья вдруг дергается, вскакивает:

- Да что вы все с ним носитесь! Он просто подлизался к тренеру! Я старше, я лучше играю, я талантливее! А он... он...

- Сядь, - тихо говорит тренер.

Илья не садится.

- Ты, - он тычет пальцем в Демида, - ты думаешь, ты самый умный? Думаешь, раз молчишь, то прав? Капитан... Капитан хренов...

- Илья! – рывкает тренер так, что Эмма вздрагивает.

Но Демид даже не моргает. Он медленно повернул голову,

посмотрел на Илью в упор и сказал всего одно слово:

- Сядь.

Спокойно. Без эмоций. Как старший младшему.

Илья сел.

Я почувствовал, как уголок моих губ дернулся вверх. Я едва сдержал усмешку. Эмма рядом задышала часто-часто – она поняла, что ее сын проиграл эту схватку в одну секунду.

Дверь скрипнула.

- Извините, пробки. Я бежала...

Я обернулся.

И время остановилось.

В дверях стояла Кира.

Одиннадцать лет. Почти двенадцать. Я считал дни после развода, потом перестал, потом научился не считать. Но сейчас цифры вспыхнули в голове, как табло: 11 лет, 4 месяца, 6 дней... Нет, не считал я, конечно. Врал сам себе.

Она почти не изменилась. Те же рыжие волосы, собранные в небрежный пучок, те же зеленые глаза, тот же взгляд – независимый, гордый, чуть насмешливый. Только морщинки у губ стали глубже. И в плечах появилась усталость, которую не скрыть никакой спортивной сумкой.

На ней были старые джинсы, растянутый свитер и кроссовки. Она выглядела как студентка, забежавшая между парами. И одновременно – как королева, которой плевать, в чем она вышла.

Эмма рядом с ней показалась мне вдруг... ненастоящей.

Слишком яркой, слишком дорогой, слишком сделанной.

Кира вошла в кабинет, скользнула взглядом по Эмме (ноль эмоций), по Илье (ноль эмоций), по тренеру (легкий кивок) и остановилась на мне.

На секунду.

Одну секунду я видел в ее глазах что-то живое. Боль? Удивление? Страх? А потом стекло упало, и она посмотрела сквозь меня, как сквозь стену.

- Здравствуйте, - сказала Кира директору. - Я мама Демида. Савельева Кира Алексеевна.

<https://litnet.com/shrt/cUfm>

Аннотация к книге "Свой"

- Ты ведь понимаешь, что теперь все изменилось? – он смотрел на меня спокойно, без напора, но от этого спокойствия становилось не по себе. – Ты уже не просто продавец из салона. Ты – часть чего-то большего. Хочешь ты этого или нет.

 Я молчала. Руки дрожали.

 - Я не прошу тебя делать выбор, - он шагнул ближе, и я почувствовала запах табака и кожи. – Ты его уже сделала. В лесу. В моей машине. Когда кричала так, что волки в округе затихли от зависти.

 - Что ты хочешь? – тихо спросила я.

 - Немногого. Сходить туда, куда скажу. Передать то, что попрошу. Не задавать лишних вопросов. А потом... посмотрим.

 - А если я откажусь?

 Он усмехнул-

ся уголками губ. В этой усмешке не было злорадства. Только спокойная, твердая уверенность.

 - Не откажешься. Потому что я – тот, кто тебя по-настоящему увидел. Тот, кому ты поверила. Тот, с кем ты впервые почувствовала себя женщиной. Я не держу тебя, Алина. Ты сама решила остаться.

 Я посмотрела в его глаза. Темные, глубокие, нечитаемые. И поняла, что он прав. Что я в его власти. Что от него пахнет бедой, и я все равно никуда не уйду.

 Потому что он – СВОЙ.

 А я – его.

Глава 2. Денис

Савельева.

Я сглатываю. Она оставила фамилию. Она не вышла замуж. Она...

Стоп. Не делаю выводов. Это ничего не значит. Мало ли почему женщины оставляют фамилию бывших мужей. Бизнес, инерция, нежелание менять документы. Это ничего не значит.

- Присаживайтесь, - директор указывает на стул рядом с сыном.

Кира садится. Демид чуть заметно пододвигается к ней – на сантиметр, не больше. Но я замечаю. Я вообще теперь вижу все. Каждое движение. Каждый вздох.

- Итак, - директор складывает руки на столе. – Ситуация, коллеги, следующая. Сегодня после тренировки между мальчиками произошла драка. Физическая. С применением силы. Илья напал первым, Демид защищался. Свидетели – тренер и часть команды, которая еще не ушла из раздевалки.

- Я напал? – Илья снова дергается. – Да он меня довел! Он...

- Илья, - Эмма шипит. – Помолчи.

- Не буду я молчать! Он капитан! А почему он капитан? Потому что тренер его любит! Потому что он... он... выскочка!

Демид молчит. Сидит, смотрит в стол. Ни одной эмоции на лице. Как будто речь не о нем. Где одиннадцатилетние пацаны учатся такому самообладанию?

Тренер тяжело вздыхает, потирает лысеющую голову:

- Я назначил капитаном Демида, потому что он – лидер. Он не орет, не бросается на людей, он ведет игру и ведет команду. Илья талантлив, да. Но талант без головы – это проблема. Илья, скажи честно, сколько раз я тебе говорил: успокойся, не психуй, играй головой?

- Я играю! – Илья вскакивает. – Я лучше всех играю! Простите вы... вы все...

- Сядь! – рявкаю я.

Сам не ожидал. Голос звучит жестко, как на стройке, когда рабочие накосячили. Но я не на стройке. Я в школе. И это не мой ребенок.

Илья замирает. Смотрит на меня с обидой и ужасом. Эмма ахает.

А Кира... Кира чуть заметно поднимает бровь. И в этом движении столько знакомого, столько того, за что я когда-то ее полюбил, что у меня перехватывает дыхание.

Господи, как я скучал по этому жесту.

- Денис, - Эмма вцепляется в мою руку. – Не смей кричать на моего сына.

- Я не кричу, - говорю я тихо. – Я прошу сесть и не перебивать взрослых.

- А вы кто такой, чтобы просить? – вдруг подает голос

Демид.

Все замирают.

Мальчик поднимает глаза и смотрит прямо на меня. В упор. Тем самым взглядом, от которого у меня внутри что-то переворачивается.

- Вы вообще чужой дядька. Пришли, сели тут и команду-ете. А Илья хоть и дурак, но он мой одноклассник. И не вам его воспитывать.

Тишина в кабинете становится ватной.

Я смотрю в это лицо. В эти глаза. В этот упрямый подбородок. В линию губ. И вдруг понимаю, что не могу вымолвить ни слова.

Потому что что-то во мне кричит: это твое. Это твое лицо. Твой подбородок. Твой взгляд. Но я не имею права так думать. Я не имею права присваивать чужого ребенка только потому, что он похож на меня в детстве.

Мало ли кто на кого похож.

- Демид, - тихо говорит Кира. – Не надо.

- А что, мам? Он первый начал.

- Он просто... - Кира запинается. – Он просто хотел по-мочь.

- Не надо нам его помощи.

Демид отворачивается, уставившись в стену.

Я сижу, сжимая подлокотники кресла так, что белеют костяшки. В голове бьется одна мысль: сколько лет? Сколько ему лет? Мы развелись одиннадцать лет назад. Демиду на

вид – одиннадцать. Или около того.

Я начинаю считать в уме. Дата развода – пятнадцатое сентября. Сейчас май. Если ему одиннадцать, то он родился... когда? Если он родился через семь-восемь месяцев после развода, то...

Стоп. Это ничего не значит. Просто цифры. Просто совпадение.

- Так, - директор хлопает ладонью по столу. – Прекратили. Сейчас мы будем разбираться, а не выяснять, кто кому кто. Илья, ты понимаешь, что нападать первым – это нарушение?

- А он...

- Мне плевать, что «он»! Ты старше, ты опытнее, ты должен быть примером, а ты устраиваешь цирк. Если еще раз такое повторится – дисквалификация на месяц. А команде без вратаря будет очень весело, да?

Илья заткнулся. Эмма открывает рот, но я сжимаю ее руку – сильнее, чем надо. Она удивленно смотрит на меня, но молчит. Сама не понимает, почему подчиняется.

- С родителями обоих мальчиков мы проведем беседу отдельно, - продолжает директор, будто обращается к тренеру. – Сейчас вы забираете детей, и расходитесь по домам. А завтра чтобы оба были на тренировке как штык. Вопросы?

Вопросов нет.

Все встают. Кира поднимается, кладет руку на плечо Демиды, тот встает рядом – чуть позади, но не как маленький, а как равный.

Они идут к выходу.

- Кира, - вырывается у меня.

Она останавливается. Не оборачивается. Только замирает на секунду, и я вижу, как напрягается ее спина.

- Что? – глухо спрашивает она.

- Мы можем... поговорить?

- Нам не о чем говорить.

- Можем, - вдруг говорит Демид, разворачиваясь.

Он смотрит на меня в упор. И я вижу в его глазах то же, что чувствую сам: недосказанность. Вопросы. Подозрение.

- Можем поговорить. Вы кто вообще такой? Вы с мамой знакомы? Почему она, когда вас увидела, побелела вся? Почему вы на меня так смотрите?

- Демид, идем, - Кира тянет его.

- Нет, мам. Я хочу знать.

Он смотрит на меня. Ждет ответа.

А я не знаю, что сказать. Потому что сам хочу знать. Хочу спросить у нее: это мой сын? Но не могу. Не здесь. Не так. Не перед Эммой, директором, тренером и этим мальчиком, который смотрит на меня своими глазами... моими глазами?

- Я... - начинаю я.

- Демид Денисович, идем! – голос Киры срывается.

Демид Денисович.

Отчество бьет под дых.

Я смотрю на мальчика, на его каштановые волосы с чуть рыжим отливом- Кирины гены, на его упрямый подбородок

– кажется, мой? Или мне кажется? Я уже ничего не понимаю.

- Денисович? – переспрашиваю я тихо.

Голос звучит хрипло.

Кира закрывает глаза. На секунду. А когда открывает, в них стоят слезы, которые она яростно сдерживает.

- Это ничего не значит, - говорит она жестко. – Просто имя. Просто...

- Мам, - Демид переводит взгляд с нее на меня.

- Пошли! – Кира хватается его за руку и дергает из кабинета.

Дверь хлопает.

Я стою перед дверью, не чувствуя ног. Эмма что-то говорит, дергает меня, тренер смотрит с каким-то странным выражением – то ли узнавание, то ли вопрос, директор собирает бумаги.

Я не слышу никого.

Перед глазами стоит лицо мальчика. Его глаза. Его подбородок. Его голос.

Демид Денисович.

Совпадение? Просто совпадение?

Или...

- Денис! – Эмма трясет меня за плечо. – Ты чего застыл? Что это было? Откуда ты знаешь эту женщину?

Я смотрю на нее и вижу чужого человека. Красивого. Но чужого.

- Ничего, - говорю я. – Просто показалось.

Но это неправда. Мне не показалось. Мне показали. И те-

перь я должен узнать правду.

Выхожу из кабинета. В коридоре пусто. Только запах хлорки и гул ламп. И тишина, в которой я слышу, как внутри меня разрастается вопрос, не дающий дышать:

Демид Денисович Савельев – кто ты мне?

<https://litnet.com/shrt/t3hL>

Аннотация к книге "Измена. Уведу отца из мести "

- Да какие мы с тобой подруги?! – шипит Милана. – Да я если пальцем поманю, у меня и не такой дурак в ногах окажется.
 - Тогда почему ты забрала МОЕГО дурака? – подаюсь к ней вперед, чтобы посмотреть в глаза этой наглой девятнадцатилетней девке.
 - Так он сам пришел, - хмыкает подруга. – Так и сказал: «У вас товар, у нас купец. У тебя отец с деньгами, у меня опыт». И кааааак взял меня в свои объятия...
 Хочу потерять дар речи. Но видя за спиной подруги ее счастливых родителей, уверенно заявляю.
 - Я это так не оставлю, - шепчу злобно. – Скоро оооочень сильно пожалеешь...
 Пусть я боюсь Льва Михайловича, но в койку затащить мне его труда не составит. А там и до развода недалеко...

Глава 3. Кира

Я веду машину так же, как живу последние одиннадцать лет – аккуратно, без резких движений, но с ощущением, что в любой момент придется выкручивать руль, чтобы не влететь в чужую жизнь.

Рядом, на пассажирском сиденье, молчит Демид. Смотрит в окно, но я знаю: он не видит ни проносящихся фонарей, ни мокрого после дождя асфальта. Он прокручивает в голове события вечера. Так же, как я.

Тишина затягивается. Я чувствую, как напряжение усиливается в салоне старого «Фольксвагена», которому давно пора на свалку, но денег на новый нет и не предвидится. Как, впрочем, и на многое другое.

- Ну и что это было? – спрашиваю я, наконец.

Голос звучит ровно. Я специально тренировала этот тон годами. Не повышать. Не срываться. Не показывать, что внутри все дрожит.

- Я про твое поведение, - уточняю, не слыша ответа.

Демид молчит. Упрямо смотрит в окно.

- Демид.

- А что мое поведение? – отзывается он, не поворачивая головы. – Я ничего не сделал. Это Илья на меня полез.

- Я не про драку. Я про то, как ты разговаривал с посторонним человеком.

Он, наконец, поворачивается. Смотрит на меня в упор – тот самый взгляд, от которого у меня каждый раз замирает сердце. Потому что это не мой взгляд. Это взгляд человека, которого я пыталась забыть одиннадцать лет.

- С каким посторонним? – спрашивает Демид и в его голосе проскальзывает что-то похожее на насмешку. – С тем мужиком, который орал на Илью?

- С Денисом Владимировичем. Да.

- А, с этим, - Демид отворачивается обратно к окну. – Ну и что я такого сказал? Правду сказал. Он чужой дядька, который пришел и начал командовать. Он для Ильи отчим, всего два года как в их семье появился. Какое он имеет право на Илью орать? Он ему не отец.

Я сжимаю руль крепче. Два года. Всего два года. А уже командует, воспитывает, орет на чужого ребенка. А своего... Я ничего не понимаю в этой жизни.

- Это не наше дело, - говорю я жестко. – Как они строят отношения в своей семье – не наше дело. И не тебе судить, кто имеет право, а кто нет.

- А он имеет право на меня смотреть? – Демид снова поворачивается и теперь в его глазах вспыхивает злость. – Он на меня посмотрел, как на... как на щенка в зоомагазине. Я ему кто? Никто. А он на меня смотрит, будто я ему должен что-то.

Я молчу. Потому что не знаю, что ответить. Потому что он прав – Денис смотрел на него именно так. Как на щенка в

зоомагазине. Как на что-то ценное, что можно купить, если очень захотеть.

- Он просто хотел помочь, - говорю я первое, что приходит в голову.

- Помочь? – Демид фыркает. – Кому? Илье? Илья его ненавидит. Ты не знаешь, а я знаю. Он мне сам рассказывал. Этот дядька вечно лезет к нему с воспитанием, а Илья злится. Говорит, мать его вообще не слушает, только этот отчим командует. А он не отец, чтобы командовать. У Ильи отец есть, просто он не живет с ними.

Я сглатываю. У Ильи отец есть, просто не живет с ними. У Демида отца нет вообще. Никогда не было. И никогда не будет, если я продолжу молчать.

Но я буду молчать. Я должна молчать.

- Демид, - начинаю я осторожно, - пойми: каждая семья устроена по-своему. У них свои правила. Нам не нравится, как этот человек воспитывает Илью? Мы можем не одобрять. Но лезть не имеем права.

- А он имеет право лезть? – Демид не унимается. – Он же полез. На Илью наорал. На меня странно смотрел. И на тебя... - он замолкает на полуслове.

У меня внутри все обрывается.

- Что – на меня?

- Тоже смотрел, - Демид пожимает плечами, но я вижу, как напряглись его плечи. – Странно. Как будто... не знаю. Как будто вы знакомы.

Я молчу. Слишком долго молчу.

- Вы знакомы? – спрашивает Демид прямо.

- Были когда-то, - отвечаю я как можно равнодушнее. –

Давно. Очень давно. Еще до твоего рождения.

- И что?

- И ничего. Люди расходятся, расходятся их дороги. Это жизнь.

Демид смотрит на меня с прищуром. Тем самым прищуром, от которого у меня подкашиваются ноги.

- А почему он на меня так смотрел?

- Как?

- Как будто я ему должен быть знаком.

- Ты похож на меня, - говорю я, и это не ложь, он действительно похож. – Может, он узнал мои черты. Мы же были знакомы, я же говорю.

- А отчество?

У меня перехватывает дыхание.

- Что – отчество?

- Демид Денисович. Он, когда услышал, побелел весь. Как ты. Вы оба побелели. Как будто привидение увидели.

Я заставляю себя рассмеяться. Звучит фальшиво, даже для моих ушей.

- Глупости. Просто совпадение. Мало ли людей с именем Денис? У тебя отчество в честь моего деда, ты знаешь. Денис Иванович, царствие ему небесное.

Это ложь. Моего деда звали Петр. Но Демид не знает. Я

никогда не рассказывала ему про деда. И сейчас он не спрашивает – видимо, поверил.

Или делает вид, что поверил.

- Мам, - говорит он после долгой паузы. – А почему мы никогда не говорим про моего отца?

Вопрос бьет прямо в сердце. Я ждала его одиннадцать лет. И все равно не готова.

- Потому что не о чем говорить, - отвечаю я. – Его нет в нашей жизни. Его никогда в ней не было.

- А почему?

- Потому что так сложилось.

- Он знает про меня?

Я молчу. Слишком долго. Машина выруливает на нашу улицу. Старую, узкую, с ямами, которые никто не чинит.

- Мам?

- Не знаю, - говорю я.

Это правда. Я, правда, не знаю, догадался ли Денис сегодня. И что теперь будет.

- А если бы узнал? – Демид смотрит на меня в упор. – Что тогда?

Я паркуюсь у дома. Глушу двигатель. В салоне тишина. Только наши дыхания.

- Ничего, - говорю я твердо. – Ничего бы не было. Потому что он не нужен нам. Мы справлялись без него одиннадцать лет, справимся и дальше. Нам никто не нужен, понял?

- Понял, - говорит Демид, но в его голосе нет убежденно-

сти.

Я поворачиваюсь к нему. Смотрю в эти глаза. Мои глаза, его упрямый подбородок, его нос... Да, это нос Дениса, я всегда это знала, просто запрещала себе замечать.

- А теперь про твое поведение, - говорю я строго. – Сегодня ты был груб с посторонним человеком. Мне все равно, заслуживал он этого или нет. Ты не имеешь права так разговаривать со взрослыми.

- Но он первый начал...

- Я сказала – не имеешь права. Ты вообще много себе позволяешь в последнее время. Грубишь, дерешься, дерзишь. Я понимаю, Илья тебя провоцирует. Но это не значит, что можно распускать руки и язык.

Демид молчит. Смотрит в лобовое стекло.

- Две недели без телефона, - говорю я.

Он дергается, как от удара.

- Мам!

- Две недели. И никаких разговоров. Будешь огрызаться – добавлю еще.

- Это несправедливо!

- Жизнь вообще несправедлива, - я выхожу из машины, хлопаю дверью.

Демид выходит следом. Мы стоим у подъезда. Старая пятиэтажка, облупившаяся краска, запах кошек из подвала. Район, в котором я мечтала не задерживаться, но задержалась на одиннадцать лет.

- Мам, - голос у него вдруг становится тихим, почти детским. – А тот дядька... он хороший?

Я смотрю на сына. На его глаза, в которых плещется надежда, которую я не имею права поддерживать.

- Не знаю, - отвечаю честно. – Я не знаю, какой он сейчас.

- А какой он был? Раньше?

Я молчу. Потому что не знаю, что сказать. Потому что Денис раньше был молодым, глупым, влюбленным и абсолютно не готовым быть отцом. А сейчас... сейчас я видела его одну минуту и успела заметить, как изменились его глаза. Как появилась жесткость. Как исчезла та легкость, за которую я когда-то его полюбила.

- Он был другим, - говорю я, наконец. – Совсем другим. Но это было давно. Очень давно.

- А теперь?

- А теперь он просто чужой человек. Которого мы больше не увидим. Пошли домой.

Я беру сына за руку. Он позволяет, хотя обычно вырывается, считая себя слишком взрослым для этих нежностей. Мы идем к подъезду. Я чувствую, как его пальцы сжимают мои – крепко, по-мужски.

- Мам, - говорит он уже у двери. – Я все равно считаю, что был прав. Но за телефон... ладно. Принимаю.

Я смотрю на него и вижу взрослого мужчину в теле одиннадцатилетнего мальчика. Вижу ту же упрямую складку у губ, что была у Дениса, когда он говорил «я справлюсь». Ви-

жу ту же гордость, ту же готовность принять наказание, не сломавшись.

Господи, как же он похож.

- Пошли, Демид Денисович, - говорю я, открывая дверь.
— Ужинать.

Он усмехается:

- Когда ты злишься, ты меня по отчеству называешь. Я заметил.

- Я не злюсь.

- Злишься. Но это нормально. Я бы тоже злился, если бы меня так достали.

Мы заходим в подъезд. За нами захлопывается тяжелая дверь, отсекая вечерний город, чужие проблемы и призраков прошлого, которые имеют наглость являться спустя одиннадцать лет.

Но я знаю: этот призрак не уйдет. Он будет стоять под дверью, стучаться в мысли, являться во снах. Потому что сегодня он увидел сына. И теперь он не отступит.

Я это знаю. Я знаю Дениса.

Вопрос только в том, сколько у нас времени, прежде чем он начнет действовать.

<https://litnet.com/shrt/mlYA>

Аннотация к книге "Пышка для Дерзкого "

- Стоять...
 Негромко и без лишнего устрашения, но

так, что я не просто встаю перед преградой в виде руки бритоголового, но тону в его глазах.
 Дерзкий...
 Что в нем дерзкого? Умный. Вдумчивый. Добрый. Со мной ласковый. Даже слишком...
 - Дерзкий! Опять себе телку с лучшими буферами хапаешь?! Пацанам бы хоть оставил!
 Но он молчит. Практически нависает надо мной и молчит. Он не отдаст. Не отдаст меня ни пацанам, ни кому-либо еще.
 Зачем?
 Чтобы своей сделать. Подчинить. Влюбить. А потом просто растоптать...
 - Таисия Михайловна, у вас был половой контакт с Федором Егоровичем? – спрашивает следователь.
 - С кем? – не понимаю сразу.
 - У него кличка «Дерзкий».
 - Был...
 - Защищенный?
 - А это здесь при чем? – пытаюсь быть такой же дерзкой, как и ОН.
 - А вы знали о его проблемах со здоровьем? – без эмоций на лице.
 - Нет.
 - А он знал... И вы такая не единственная...

Глава 4. Денис

- Ты можешь мне объяснить, что это было? – Эмма не просто говорила – она визжала.

Я даже не знал, что она умеет визжать. Три года знакомства, два года совместного проживания, а такие открытия только сейчас.

Я молчал. Сжимал руль так, что костяшки побелели. «Мерседес» послушно глотал километры, увозя нас от школы, от Киры, от мальчишки, который не выходил из головы.

- Денис! Я к тебе обращаюсь!

- Я слышу.

- И что ты мне скажешь? Ты наорал на моего сына! При всех! При директоре, при тренере, при каких-то чужих людях!

- Он вскочил и орал. Я попросил его сесть.

- Ты рывкнул на него! Как на провинившегося щенка! – Эмма ударила ладонью по подлокотнику.

Сзади всхлипнул Илья. Я покосился в зеркало заднего вида. Сидел, насупившись, смотрел в окно. Обиженный, злой, но довольный. Мать за него горой, сейчас оторвется на мне по полной.

- Эмма, давай позже.

- Нет, давай сейчас! Ты вообще в своем уме? Мы приехали защищать Илью, а ты встал на сторону этого... этого вы-

скачки!

Я дернулся, как от пощечины.

- Какого выскочки?

- Этого, Демида! Который строит из себя капитана, хотя Илья старше и талантливее!

- Илья талантливее? – я не сдержал усмешки. – Эмма, ты футбол вообще смотришь? Твой сын – хороший вратарь, когда не психует. Но этот пацан... он родился с мячом в ногах. И с головой на плечах. Тренер не просто так выбрал его капитаном.

Эмма замерла. Посмотрела на меня так, будто я плюнул в икону.

- Ты... ты сейчас защищаешь чужого ребенка? Передо мной? Перед Ильей?

- Я говорю правду.

- Правду? – ее голос снова полез вверх. – Ты хочешь знать правду? Правда в том, что ты при всех унизил моего сына! Что ты влез не в свое дело! Что ты вел себя как... как...

- Как кто?

- Как будто это твой ребенок там сидел! – выпалила она. – Ты на него смотрел, как на родного!

Я промолчал. Потому что не знал, что ответить. Потому что она случайно попала в точку.

- Дядя Денис, - подал голос Илья с заднего сиденья.

Голос обиженный, но в нем проскальзывало что-то еще. Что-то похожее на любопытство.

- А вы чего на того пацана так смотрели?

- Как?

- Ну... странно. Как будто увидели кого-то знакомого.

Я сжал руль еще крепче.

- Ничего. Просто показалось.

- Чего показалось?

- Илья, не приставай, - Эмма отмахнулась, не оборачиваясь. - Денис, я требую, чтобы ты извинился перед ним.

- Что?

- Извинился. Перед Ильей. За то, что накричал при всех.

Я посмотрел на нее. Красивая. Ухоженная. И совершенно чужая.

- Я не буду извиняться, - сказал я спокойно. - Я попросил его сесть и не орать. Если для тебя это преступление - извини.

- Ах, значит, я еще и виновата?

- Я этого не говорил.

- Ты это сказал!

Я вздохнул. Глубоко. Медленно. Сосчитал до пяти.

- Эмма, давай не будем. Я устал. Ты устала. Илья устал.

Завтра поговорим.

- Не завтра, а сейчас! - она развернулась ко мне всем корпусом, и я на секунду испугался, что сейчас вцепится в руль.

- Ты вообще понимаешь, как это выглядело? Ты смотрел на эту женщину! На эту рыжую!

Я дернулся.

- Что?

- Не строй из себя дурака! Я видела, как ты на нее смотрел! Вы знакомы? Отвечай!

Я молчал. Слишком долго.

- Денис!

- Знакомы, - сказал я честно. – Давно. Очень давно.

- И кто она?

- Просто... знакомая. Из прошлой жизни.

- Из прошлой жизни? – Эмма прищурилась. – Что значит «из прошлой жизни»? Вы встречались?

Я мог бы сказать «да». Мог бы сказать, что мы были женаты. Мог бы сказать, что этот мальчишка, возможно, мой сын. Но я не был готов. Не сейчас. Не так. Не в машине, после скандала, с Ильей на заднем сиденье.

- Было дело, - ответил я уклончиво. – Давно. Очень давно.

- И ты молчал?

- А что я должен был сказать? «Эмма, смотри, заходит моя бывшая, с которой мы расстались одиннадцать лет назад»? Я сам не ожидал ее увидеть.

- Одиннадцать лет, - повторила Эмма. – И этот мальчишка... ему тоже около одиннадцати?

У меня внутри все оборвалось.

- Понятия не имею, сколько ему, - сказал я как можно равнодушнее. – Я вообще не знаю, есть ли у нее дети. Кроме этого пацана. Не интересовался.

- А почему ты на него так смотрел?

- На кого?

- На мальчишку! Ты на него смотрел так, будто... - она запнулась, подбирая слово. – Будто ищешь что-то.

Я еле сдерживался, чтобы не наорать.

- Эмма, ты пересмотрела сериалов. Я просто удивился, что у нее такой взрослый сын. Она же молодая еще.

- Она твоего возраста.

- Ну спасибо.

- Денис, не переводи стрелки. Ты точно ничего не хочешь мне сказать?

Я посмотрел на нее. Красивая. Ревнивая. Собственница. И абсолютно чужая.

- Хочу, - сказал я. – Скажи Илье, чтобы завтра на тренировке вел себя прилично. И не лез к этому Демиду. Если тренер выбрал его капитаном – значит, так надо.

- Ты сейчас серьезно?

- Вполне.

Сзади фыркнул Илья.

- Дядя Денис, вы чего? Этот Демид – выскочка! Он вообще никто! А вы на его сторону встаете!

- Я не встаю на его сторону. Я говорю: уважай решение тренера. И не провоцируй драки.

- А если он сам лезет?

- Он не лез, - сказал я. – Я знаю тебя. Ты напал первым.

Илья замолчал. Уткнулся в окно.

Эмма смотрела на меня с каким-то новым выражением.

Не злым. Скорее – изучающим.

- Денис, - сказала она тихо. – Ты точно ничего не хочешь мне рассказать?

- Точно.

- А почему я тебе не верю?

- Это твои проблемы.

Она отвернулась. Тоже уставилась в окно.

Мы въехали во двор. Я припарковался, заглушил двигатель. Сидел, сжимая руль, не в силах выйти.

- Идете? – спросил я, не оборачиваясь.

- А ты?

- Посижу.

Эмма помедлила. Хотела что-то сказать, но передумала. Вышла. Илья выскользнул следом, бросив на меня последний взгляд через плечо.

Дверь захлопнулась.

Я остался один в темном салоне. Смотрел на подъезд, где горел свет в окнах Эмминой квартиры. Думал о мальчишке с моими глазами. О его голосе: «Вы вообще чужой дядька».

Чужой.

А если нет?

Я достал телефон. Набрал в поиске: "Демид Савельев футбол".

Первая же ссылка – состав команды «Вымпел», возрастная группа до 12 лет. Фотографии.

Я увеличил фото. Вгляделся в лицо мальчика в форме, с

капитанской повязкой на рукаве.

Демид Савельев. Капитан. Дата рождения: 15 июня.
15 июня.

Мы развелись 15 сентября.

Одиннадцать лет назад.

Я начал считать. Заново. В сотый раз. Если он родился 15 июня, значит, зачат он был в сентябре. За несколько дней до развода... Или сразу после?

Я не знал. Я ничего не знал. Только чувствовал, как внутри разрастается что-то тяжелое, горячее, незнакомое.

Он мой?

Я не знал этого наверняка. У меня не было доказательств. Но каждой клеткой тела, каждой каплей крови, каждой секундой этих одиннадцати лет одиночества я чувствовал – возможно.

И если это правда – что мне делать?

Как подойти к женщине, которая скрыла от меня сына?

И главное – зачем она это сделала?

Я завел двигатель. Выехал со двора.

Ночь приняла меня в свои объятия. Я просто кружил по городу, прокручивая в голове одну и ту же мысль.

Демид Денисович Савельев.

Кто ты мне?

<https://litnet.com/shrt/Uhok>

Аннотация к книге "Измена. Забудем ради наследства?!"

Привет! Я Колбаса. Колбаса - фамилия такая. Между прочим, невестка знатного рода! Семья мужа просто гордится своей фамилией! И тихо ненавидит друг друга...
 Но теперь есть шанс забрать свое. Мой муж - практически бывший - становится наследником огромнейшего состояния. Единственное условие - он должен быть женат! Поэтому мы откладываем процедуру бракоразводного процесса и отправляемся в путь!
 Правда... В доме умершего свекра нас ждет немало сюрпризов...

Глава 5. Денис

Я не спал всю ночь.

Ворочался, смотрел в потолок, перебирал в памяти каждый миг вчерашнего вечера. Ее взгляд, когда она вошла. Его лицо, когда он сказал «сядь». Отчество, ударившее под дых.

Под утро я сдался. Поднялся, принял душ, побрился. Посмотрел на себя в зеркало – глаза красные, под глазами тени. Выглядел я хуже, чем чувствовал себя.

Эмма спала, когда я уходил. Я оставил записку на кухонном столе: «Уехал по делам. Позвоню». Коротко и безлико. Она заслуживала большего, но большего у меня не было. Не сегодня.

Адрес я помнил наизусть. Закрыв глаза и увидел: старая пятиэтажка на окраине, облупившаяся краска, тополя во дворе, скамейка, на которой мы сидели ночами, когда были молодыми и глупыми. Мы жили в квартире ее бабушки. Маленькая и старенькая бабушка. Аналогичная квартирка.

Я думал, она давно съехала. Думал, она вышла замуж, уехала, построила другую жизнь. А она осталась. В том же районе. В той же квартире.

«Фольксваген» Киры стоял у подъезда. Старый, побитый жизнью, с вмятиной на заднем крыле. Я смотрел на него и почему-то думал: она могла бы попросить у меня денег на новую машину. Могла бы найти меня, написать, позвонить.

Она не искала. Не писала. Не звонила.

Почему?

Я вышел из машины. Подъезд пахнул кошками и сыростью – так же, как одиннадцать лет назад. Домофон не работал. Дверь была открыта.

Я поднялся на третий этаж. Шел медленно, считая ступеньки. Каждая отдавалась в груди тяжелым ударом.

Остановился перед знакомой дверью. Номер 47. Царапины на металле. Глазок, в который я когда-то смотрел, ожидая, когда она откроет.

Поднял руку. Постучал.

Тишина.

Постучал еще раз. Громче.

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась на цепочке. В щели блеснул знакомый зеленый глаз.

- Чего тебе?

Голос глухой, уставший. Она не спала. Или спала плохо. Как я.

- Поговорить надо.

- Не о чем.

- Кира, открой.

- Нет.

- Я не уйду.

- Стоять будешь? – в ее голосе мелькнула знакомая усмешка. – Соседи вызовут полицию.

- Пусть вызывают. Мне терять нечего.

Она помолчала. Я слышал ее дыхание за дверью. Слышал, как скрипнула половица под ее ногами.

- Демид дома? – спросил я.

- Нет. На тренировке.

- Открой.

Цепочка звякнула. Дверь распахнулась.

Она стояла на пороге в старом халате, босиком, с мокрыми после душа волосами. Без косметики, без укладки, без всего, чем женщины обычно прикрываются. И была красивее, чем все Эммы этого мира вместе взятые.

- Заходи, - бросила она и развернулась, уходя вглубь квартиры.

Я вошел.

Квартира не изменилась. Те же обои, которые мы клеили вместе и криво – я тогда не умел, она злилась. Та же старая мебель, доставшаяся от ее бабушки. Тот же запах – ее духов, кофе и еще чего-то неуловимого, что я забыл, но тело помнило.

На стене висели фотографии. Я подошел ближе. Демид. Маленький, в коляске. Демид с мячом, лет пяти. Демид в школе, с букетом, первоклашка. Демид с грамотой за футбол.

Ни одной моей. Ни одной нашей.

- Не на что смотреть, - Кира стояла в дверях кухни, скрестив руки на груди. – Кофе будешь?

- Буду.

- На кухне тогда. В комнату не ходи, там Демид не убирался.

Я прошел на кухню. Сел на табуретку, на которой сидел тысячу раз. Она возилась у плиты, спиной ко мне. Я смотрел на ее затылок, на рыжие волосы, на плечи, напряженные так, будто она ждала удара.

- Как ты? – спросил я.

- Отлично. Живу, работаю, сына ращу. А ты?

- Как видишь.

- Вижу, - она обернулась, поставила передо мной чашку.

- Машину новую купил? Или это Эммина?

- Моя.

- А, ну да. Ты же у нас теперь бизнесмен. Строишь, наверное, дворцы.

- Жилые комплексы.

- Одно и то же.

Она села напротив. Свою чашку не взяла. Смотрела в упор. Тем самым взглядом, от которого у меня когда-то подкашивались ноги.

- Зачем приехал?

- Ты знаешь зачем.

- Не знаю. Объясни.

- Кира, - я отодвинул чашку. – Не надо со мной в игры играть. Демид...

- Что Демид?

- Он мой?

Тишина повисла между нами.

Кира смотрела на меня. Долго. Очень долго. Потом медленно покачала головой.

- Нет.

- Что – нет?

- Не твой.

Я моргнул.

- Кира...

- Я сказала – не твой. Ты меня слышал.

- Но он... у него мои глаза. Мой подбородок. Он сидел в кабинете, как я в двадцать пять – спокойный, упертый, никого не боялся. Это не может быть случайность.

- Может, - отрезала она. – Мало ли на свете похожих людей? У нас с тобой нет монополии на внешность.

- Кира, не ври мне.

- Я не вру.

- Ты всегда врала, когда отводила глаза. Ты сейчас отводишь.

Она дернулась, как от пощечины. Но глаз не отвела. Смотрела в упор, и в них плескалась ледяная злость.

- Хорошо, - сказала она тихо. – Допустим, он твой. Допустим. Что ты будешь делать? Отсудишь? Наймешь адвокатов, докажешь отцовство, отберешь ребенка?

- Я не собираюсь отбирать...

- купишь? – перебила она. – Придешь с деньгами, начнешь задаривать его подарками, покупать внимание, которо-

го не заслужил? Денис, ты его не растил. Ты не менял ему памперсы, не сидел ночами, когда у него резались зубы, не водил в садик, не собирал портфель в первый класс. Ты не болел его ветрянкой, не плакал, когда он упал с велосипеда и разбил коленку, не радовался первому забитому голу.

Она встала. Голос зазвенел:

- Ты опоздал! На одиннадцать лет! Понимаешь? Одиннадцать лет, Денис! Где ты был, когда он учился ходить? Где ты был, когда он в три года спросил, почему у всех есть папа, а у него нет? Где ты был, когда он болел и звал его во сне?

Я молчал. Потому что нечего было сказать.

- Я выживала, - Кира уже не скрывала слез. – Я работала на двух работах, таскала его по съемным углам, когда сдавала эту крохотную квартирку, а нам снимала жилье еще хуже. Экономила на всем, лишь бы он был сыт и одет. Я отказывала себе во всем, чтобы он занимался футболом, потому что это единственное, что делает его счастливым. Я! Одна! А ты... ты пришел, посмотрел на него красивыми глазами и решил, что имеешь право?

- Я не решил, - голос у меня сел. – Я просто хочу знать правду.

- Правду? – она усмехнулась сквозь слезы. – Хорошо. Вот тебе правда.

Она вытерла лицо ладонью. Выдохнула. Посмотрела мне прямо в глаза.

- Демид – не твой сын.

Я замер.

- Кира...

- Нет. Запомни это. Не твой. У него другой отец. Которого нет в живых. Который погиб, когда Демид был маленьким. И я не хочу, чтобы ты приходил и ворошил прошлое. Не хочу, чтобы ты смотрел на него своими глазами и искал сходство. Его нет. Понял? Нет.

Я смотрел на нее. На ее губы, которые произносили эти слова. На глаза, в которых плескалась боль.

Она врала?

Или говорила правду?

Я не знал. Я не мог понять. Слишком много эмоций, слишком много лет, слишком много всего навалилось.

- Почему я должен тебе верить? – спросил я тихо.

- А почему я должна тебе врать? – парировала она. - Если бы он был твой, какой мне смысл скрывать? Алименты получала бы! Или ты думаешь, я из гордости отказываюсь? Денис, у меня денег нет на новую машину, на нормальную квартиру, на половину того, что нужно ребенку. Если бы он был твой, я бы первая пришла и потребовала помощи. Но он не твой. И помощи мне от тебя не нужно.

Она отвернулась к окну.

- Уходи, - сказала она глухо. – Уходи и не приходи больше. Мы справлялись без тебя одиннадцать лет, справимся и дальше.

Я встал. Подошел к ней. Остановился за спиной, не реша-

ясь коснуться.

- Кира...

- Уходи, Денис. Пожалуйста.

Я постоял еще секунду. Потом развернулся и вышел.

Дверь за мной захлопнулась.

Я спускался по лестнице, и каждый шаг отдавался в висках тяжелой болью. Ее слова крутились в голове, как заезженная пластинка: «Не твой... не твой... не твой...»

Но перед глазами стояло другое. То, как Демид сидел в кабинете. Спокойный. Упертый. Смотрел в упор. Взгляд, от которого у меня внутри все переворачивалось.

Это не мог быть чужой ребенок.

Или мог?

Я вышел из подъезда. Сел в машину. Долго сидел, сжимая руль, глядя на облупившуюся пятиэтажку.

Она сказала – нет.

Она сказала – другой отец, погиб.

Она сказала – уходи.

Но почему тогда у меня внутри не отпускает? Почему я не верю ни одному ее слову?

И если она права – почему я чувствую такую пустоту?

Я завел двигатель. Выехал со двора.

В голове билась одна мысль: надо узнать правду. Любой ценой.

Но как, если единственный человек, который ее знает, смотрит мне в глаза и врет?

Или не врет?

Я не знал.

Я ничего не знал.

<https://litnet.com/shrt/5Gxl>

Аннотация к книге "Шоколадный заяц разбушевался "

Открываю дверь. Стоят две девицы. В слегка веселеньком состоянии. Одна поддерживает другую.
 - Лиз, а ты чего не сказала, что твой муж темный?
 Слишком расслабленная и веселенькая блондинка поднимает глаза. Ухмыляется.
 - Да неее... Так... На солнышке немного перегрелся... Ик...
 - Вы не ругайте Лизу. Мы с ней со школы не виделись. Немного поболтали, посмеялись. Пару раз бокалы перепутали...
 Насколько понял из разговора, симпатичную блондинку зовут Лиза. Вот только я ее впервые вижу.
 - Так вы заберете уже свою жену? – с незначительной претензией вопрошает подруга Лизы. – Только, пожалуйста, не устраивайте ей скандал. Она просто делилась своим семейным счастьем.
 - Ну что вы, - неожиданно для себя улыбаюсь. – Я и грубого слова своей жене не скажу. Пойдем, родная... Супружеский долг зовет...

Глава 6. Кира

Я влетела в офис за пять минут до начала летучки. Запыхавшаяся, злая, с глазами, которые выдавали бессонную ночь, как бы я ни пыталась их замаскировать.

- Кира Алексеевна, вас Георгий Павлович ждет, - секретарша Леночка стрельнула взглядом поверх очков. – Все уже в сборе.

- Спасибо, Лен, - бросила я на ходу, швыряя сумку на свой стол.

Зеркало в приемной отразило усталое лицо с темными кругами под глазами. Я поправила волосы, прикусила губу, чтобы хоть немного вернуть цвет, и шагнула в переговорную.

- Явилась, - буркнул Георгий Павлович, даже не поздоровавшись.

За длинным столом сидели все, кто хоть что-то значил в нашей конторе. Главный архитектор Захар Степанович, седой и вечно недовольный. Сметчица Марьяна, которая знала о деньгах больше, чем любой финансист. И Артем.

Артем Корсаков. Тридцать лет, амбиций на пятьдесят, таланта – чуть меньше, чем он сам думает, но все же достаточно, чтобы его боялись и уважали. Он сидел во главе стола, расслабленный, уверенный, и смотрел на меня с тем выражением, которое я научилась игнорировать еще полгода назад.

- Садись, - Георгий Павлович махнул рукой на свободное

место. – Начинаем.

Я села напротив Артема. Он чуть заметно улыbnулся. Я сделала вид, что не заметила.

- Ситуация, коллеги, хреновая, - начал шеф без предисловий. – Вы все знаете, что последние полгода мы теряем позиции. Заказов меньше, прибыль падает, клиенты уходят к конкурентам.

- К каким именно? – подал голос Захар Степанович.

- К каким? – Георгий Павлович усмехнулся. – А ты не в курсе? К «Савельев-Строй Инвест». Эта контора приехала в город всего четыре года назад, а уже оттяпала половину рынка. У них бюджеты, у них возможности, у них...

- У них Денис Савельев, - перебил Артем. – Я знаю эту компанию. Агрессивный рост, демпинг на старте, сейчас выходят в премиум-сегмент.

У меня внутри все оборвалось.

Савельев-Строй Инвест. Денис Савельев.

Конечно, кто же еще?. Он же строитель. Он же бизнесмен. Он же теперь мой конкурент.

- Вот именно, - кивнул Георгий Павлович. – И пока они растут, мы падаем. У нас нет таких ресурсов, нет таких связей. Но у нас есть кое-что другое.

- Что именно? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Талант, - шеф обвел рукой присутствующих. – Вы, Кира, с вашим чутьем на стиль. Вы, Артем, с вашими амбициями

и свежими идеями. Мы должны сделать проект, который выстрелит. Который заставят говорить о нас. Который перетянет клиентов обратно.

- Конкретнее, - Артем подался вперед.

- Конкретнее? Пожалуйста. Объявляется внутренний конкурс. Два проекта – ваш и Киры. Лучший пойдет в дело. Автор получает премию. Большую премию. Таковую, что забудете, как выглядит ваша ипотека.

Я замерла.

Премия. Большая премия.

Деньги, которые так нужны. На новую машину вместо этого ведра. На ремонт в квартире, где скоро начнет валиться потолок. На форму для Демида, которая стоит как крыло самолета. На нормальную жизнь, наконец.

- Срок – месяц, - продолжал Георгий Павлович. – Тема – жилой комплекс бизнес-класса. Концепция - «Город в городе». Все условия – на сайте заказчика. Вопросы?

- Никак нет, - Артем улыбнулся своей голливудской улыбкой.

Я молчала.

- Кира? – шеф посмотрел на меня.

- Я поняла, - сказала я. – Сделаю.

- Вот и отлично. Все свободны.

Народ потянулся к выходу. Я собрала бумаги, сунула в папку, направилась к двери.

- Кира, постойте, - окликнул Артем.

Я обернулась. Он стоял у окна, засунув руки в карманы, и смотрел на меня с той самой улыбкой.

- Чего тебе?

- Поговорить надо. По работе.

- Говори.

- Не здесь. Давай в кофейне через дорогу? Через час?

Я хотела отказаться. Хотела сказать, что мне некогда, что дома ждет сын, что я устала и хочу только одного – залезть в ванну и не думать ни о чем.

Но вместо этого кивнула.

- Хорошо. Только давай после работы.

Он улыбнулся шире.

- Жду.

Ближе к концу рабочего дня я вышла из офиса, села на лавочку у входа. Достала телефон. На экране застыла фотография Демида – с тренировки, в форме, счастливый. Мой мальчик. Моя единственная радость. Моя причина не сдаваться.

Савельев-Строй Инвест. Денис Савельев.

Четыре года назад он приехал в город. Четыре года назад я могла случайно столкнуться с ним в магазине, в кафе, на улице. Четыре года назад судьба могла свести нас раньше.

Но не свела.

А теперь свела. В кабинете директора. Перед моим сыном. Перед его сыном.

Я закрыла глаза. Голова гудела. Мысли путались.

Денис. Его глаза. Его голос. Его вопрос: «Он мой?»

Я сказала – нет. Я должна была сказать нет. Я не готова.

Ни к чему не готова.

Но если он будет рядом? Если он будет приходить, смотреть, спрашивать? Если он захочет узнать правду?

Я не выдержу.

- Кира?

Я открыла глаза. Надо мной стоял Артем. С двумя стаканчиками кофе.

- Я раньше освободился, - он протянул мне один. – Держи.

Ты выглядишь так, будто не спала неделю.

- Спасибо, - я взяла кофе. Руки дрожали.

- Можно присесть?

- Садись.

Он сел рядом. Ближе, чем нужно. Я чувствовала запах его парфюма – дорогого, выверенного. И рядом с ним чувствовала себя старой, уставшей, разбитой.

- Ты как? – спросил он. - Нормально?

- Нормально.

- Не похоже.

- Артем, давай к делу. Ты хотел поговорить о проекте?

Он помолчал. Потом кивнул.

- Хорошо. О проекте. У меня есть идея. Большая. Но одному мне не справиться. Нужен человек с твоим вкусом, с твоим чутьем. Ты видишь цвет и свет так, как я не умею. Я вижу конструкции и объемы. Вместе мы можем сделать

нечто особенное.

- Ты предлагаешь работать в паре?

- Да. Официально мы конкуренты по условиям шефа. Но неофициально... Мы можем сделать два проекта, а можем сделать один, но гениальный. Что скажет шеф – неважно. Важно, чтобы это было лучшее, на что мы способны.

Я смотрела на него. Молодой. Красивый. Уверенный. У него вся жизнь впереди. А у меня только Демид и работа.

- Почему я? – спросила я.

- Потому что ты лучшая, - он сказал это просто, без тени кокетства. – Потому что я смотрел твои работы. Потому что ты чувствуешь пространство. Потому что... - он запнулся. – Потому что мне нравится с тобой работать.

Я отвела взгляд.

- Артем...

- Знаю, - перебил он. – Знаю, что я младше. Знаю, что ты меня воспринимаешь как мальчишку. Но давай хотя бы поработаем вместе. А там посмотрим.

Я молчала.

Он ждал.

И вдруг я подумала: а почему бы и нет? Почему бы не попробовать? Денис в моей жизни снова появился, и от этого внутри все болит. Может, если рядом будет кто-то другой – молодой, красивый, не связанный с прошлым – станет легче?

Может, Артем – это шанс выкинуть Дениса из головы?

- Хорошо, - сказала я. – Давай попробуем.

Он улыбнулся. По-настоящему, искренне, впервые за все время.

- Отлично. Завтра после работы встречаемся у меня в мастерской. Я покажу наброски.

- Договорились.

Я допила кофе, поднялась. Он тоже встал.

- Кира, - окликнул он, когда я уже отошла. – Ты правда лучшая. Не забывай об этом.

Я обернулась. Улыбнулась в ответ. Впервые за сегодня.

- Спасибо, Артем.

И пошла к машине.

Садилась в свой старый «Фольксваген», смотрела на вмятину на крыле и думала: а ведь жизнь продолжается. Денис появился. Ну и что? У меня есть сын. У меня есть работа. У меня есть шанс на премию. И есть человек, который смотрит на меня с интересом, а не с вопросами о прошлом.

Может, все не так плохо?

Может, я справлюсь?

Я завела двигатель и поехала за Демидом. Навстречу новой жизни, в которой Денис Савельев будет просто конкурентом. Не больше.

Я заставлю себя в это поверить.

Глава 7. Денис

- Ты уверен? – Эмма стояла в дверях, скрестив руки на груди.

В ее голосе звучало сомнение, смешанное с надеждой. Она хотела верить, что я наконец-то начал воспринимать Илью как часть семьи.

- После всего, что случилось... может, не стоит?

- Илья нуждается в поддержке, - сказал я, завязывая шнурки на кроссовках. – После скандала, драки, разборок у директора... ему нужно знать, что взрослые рядом.

- Ты прав, - она подошла ближе, поправила мне воротник – жест был собственническим, почти интимным. – Просто... ты эти дни был сам не свой. Я испугалась.

- Я в порядке.

Я не смотрел ей в глаза. Потому что врал.

- Денис, - она коснулась моей щеки. – Я рада, что ты хочешь быть ближе к Илье. Ему нужен отец. Настоящий отец.

Я кивнул. Не нашелся, что сказать.

Потому что я ехал не к Илье.

Спортивный комплекс встретил меня запахом травы, разогретой солнцем, и резкими криками тренера. Я припарковался у дальнего забора, чтобы меня не было видно с поля. Хотя зачем? Я здесь законно. Я пришел поддержать пасынка.

Я сел на трибуну. Старый пластиковый стул скрипнул под

моим весом.

Команда разминалась. Два десятка мальчишек в синей форме бегали по полю, перепасовывались, отработывали удары. Я искал глазами Илью – он был в воротах, ловил мячи, орал на защитников. Старался. Я видел это.

Но мой взгляд скользнул дальше.

Демид.

Он был в центре поля. Без суеты, без лишних движений. Мяч пришел к нему – он принял, огляделся, отдал пас. Просто. Точно. Мальчишка лет одиннадцати, а играл так, будто всю жизнь только этим и занимался.

Я смотрел, как он открывается под передачу. Как уходит от защитника – легко, будто танцует. Как отдает пас на фланг, не глядя, но точно в ноги партнеру. Как спокойно, без криков, разговаривает с командой – коротко, по делу.

Это не просто футбол. Это характер.

Илья в воротах пропустил мяч. Зазевался, не среагировал. Заорал на защитников. Демид даже не обернулся. Подошел к центру, поднял руку, что-то сказал своим. И игра продолжилась, будто ничего не случилось.

Он вел игру. Без повязки капитана (на тренировке он ее не носил), без криков, без истерик. Просто делал свое дело. И команда слушалась.

Я сидел, сжимая край скамейки. Внутри поднималось что-то тяжелое, горячее. Незнакомое.

Мой.

Я смотрел на этого мальчика, на его манеру держаться, на его спокойствие, на его упрямый подбородок и понимал, что это не может быть случайностью. Он двигался так, как двигался я двадцать пять лет назад. Он думал на поле так, как думал я. Он смотрел на партнеров так, как смотрел я – оценивающе, холодно, без лишних эмоций.

Кира сказала «нет».

Но разве можно подделать это? Разве можно вырастить в мальчишке то, что закладывается с кровью?

- Дядя Денис!

Я вздрогнул. Илья стоял у кромки поля, смотрел на меня. В его глазах надежда. Он думал, я пришел ради него.

Я помахал рукой. Улыбнулся. Он улыбнулся в ответ и вернулся в ворота.

А я снова смотрел на Демида.

Мальчишка не заметил меня. Или сделал вид. Он был полностью в игре, и я вдруг остро, до боли позавидовал этому. Потому что у меня в голове сейчас было все, кроме игры.

Тренировка шла своим чередом. Демид раздал еще три голевые передачи. Илья пропустил еще один мяч. Снова психанул, выбежал из ворот, не рассчитал. Тренер заорал на него, поставил в пример Демида:

- Смотри, как капитан играет! Без нервов, без криков! Учись, пока есть время!

Я видел, как Илья сжал кулаки. Как посмотрел в мою сторону. С обидой. Ему показалось, что я рад. Или что я согла-

сен с тренером.

Я не был рад. Но я был согласен.

Тренировка закончилась. Мальчишки разбрелись по раздевалке. Я спустился с трибуны, подошел к тренеру. Тот во- зился с конусами, собирал инвентарь.

- Вадим Сергеевич, - окликнул я.

Он обернулся. Коренастый, седой, с тяжелым взглядом человека, который повидал на поле все.

- А, Денис Владимирович, - он кивнул. – Илью поддержи- ваете? Похвально.

- Да, - я засунул руки в карманы. – Хотел узнать расписа- ние тренировок. Чтобы планировать.

- Каждый понедельник, среда, пятница. В субботу игры, - он помолчал, посмотрел на меня в упор. – Вы, главное, Илью не забрасывайте. Он парень сложный, но талантливый. Ему внимание нужно.

- Обязательно.

Я врал. И мы оба это знали.

Тренер кивнул в сторону поля, где Демид задержался, подбирал мячи.

- А того парня заметили? – спросил он будто невзначай.

- Какого?

- Капитана. Демида.

Я промолчал. Слишком долго.

- Заметил, - сказал наконец.

- И как он вам?

Я посмотрел на мальчика. Он стоял в центре поля с сеткой мячей, перекидывался парой фраз с партнером. Улыбнулся чему-то. На секунду стал обычным ребенком.

- Талантлив, - сказал я. – Спокоен. Играет головой.

- Это да, - тренер потер лысеющую голову. – Я таких мало видел. За тридцать лет работы – единицы.

- Тридцать лет? – я машинально переспросил.

- Ага. Еще в девяностых начинал. Тогда у меня парень один играл. Тоже спокойный, упертый, с холодной головой. Я думал, из него футболист выйдет. Не вышло. В бизнес ушел.

Он посмотрел на меня. В упор.

У меня внутри все оборвалось.

- Вы, случаем, не в тех краях тогда жили? – спросил тренер.

- Жил, - ответил я, не узнавая собственный голос.

- И фамилия у того парня была Савельев. Денис Савельев.

Тишина повисла между нами.

- Это я, - сказал я.

Голос сел.

Тренер кивнул. Без удивления.

- Узнал, - сказал он просто. – Как увидел в кабинете у директора, сразу узнал. Вы мало изменились. Похуже только стали. А на поле... - он посмотрел на Демида, который уже уходил с поля, - на поле вы так же играли. Та же манера. Та же спокойная уверенность. Демид – ваша копия. Я это сразу

понял.

Я молчал. Смотрел, как мальчик скрывается за воротами раздевалки.

- Он ваш? – спросил тренер прямо.

Отпираться и делать вид, что не понимаю, о чем говорит мужчина, смысла не было. Если тренер вспомнил меня, значит, рыжеволосую Киру он точно узнал. Она долгие годы яростно и даже агрессивно за меня болела на трибунах.

- Я не знаю, - ответил я честно. – Кира говорит, что нет.

- Кира много чего говорит, - тренер покачал головой. – Она хорошая женщина. Сильная. Но иногда сильные женщины врут, чтобы защитить тех, кого любят. Я этого пацана знаю с шести лет, когда он только пришел в секцию. Он рос без отца. Никто никогда не приходил на его тренировки, кроме матери. Никто не спрашивал, как у него дела. А теперь вы приходите и смотрите только на него. Вы думаете, я слепой?

Я сжал челюсть.

- Я пришел поддержать Илью.

- Илью? – тренер усмехнулся, - Денис Владимирович, я тридцать лет тренирую детей и юношей. Я знаю, как отец смотрит на своего сына. И как чужой дядька смотрит на чужого мальчика. Вы смотрели на Демида так, будто увидели призрака. Или отражение в зеркале.

Он замолчал. Я молчал.

- Я не знаю, что у вас там произошло с Кирой, - сказал

тренер тихо. — Но если этот мальчик ваш, вы должны ему сказать. Потому что он ждал. Одиннадцать лет ждал. И заслуживает правды.

Он повернулся и пошел к раздевалкам, оставив меня одного на пустой трибуне.

Я смотрел на поле.

Пустое. Тишина.

И думал о том, что сказал тренер.

Копия. Моя манера. Моя игра. Мой характер.

Мой сын.

Кира врала. Я не знал, зачем. Не знал, почему. Но я знал точно — она врала.

И я должен был узнать правду.

Любой ценой.

Глава 8. Кира

Я сидела в кабинете Артема уже третий час, и глаза начали слезиться от монитора.

- Смотри, - он подвинул ко мне планшет с наброском. – Если мы здесь сделаем панорамное остекление, а фасад обыграем натуральным камнем... это будет дорого. Очень дорого. Но заказчик хочет бизнес-класс, значит, готов платить.

Я взяла планшет, приблизила изображение. Хорошая работа. Артем чувствовал объем, понимал конструкцию, умел мыслить масштабно. Этому не научишь – это талант.

- Камень хорош, - сказала я, возвращая планшет. – Но если мы сделаем акцент на текстуре, а не на цвете... вот здесь, - я ткнула пальцем в экран, - можно добавить вертикальное озеленение. Смягчит. Сделает комплекс живым, а не холодным.

Артем посмотрел на меня с улыбкой. С той самой, от которой у меня внутри все сжималось уже несколько месяцев.

- Ты гений, - сказал он. – Я бы до такого не додумался. Я вообще технарь. Мне объемы важны. А ты видишь душу.

- Не преувеличивай.

- Не преувеличиваю.

Он отодвинулся от стола, откинулся на спинку кресла, рассматривая меня. Я чувствовала его взгляд – открытый,

заинтересованный, без тени игр. Артем не умел играть. В этом было его главное отличие от Дениса. И в этом было его главное преимущество.

- Кира, - сказал он тихо. – Ты сегодня какая-то... не здесь.

- Я здесь.

- Нет. Глазами ты здесь, а мыслями где-то далеко.

Я отвела взгляд. Он был слишком пронизательным для своих тридцати лет.

- Просто устала. Бессонная ночь.

- Демид?

- Демид, - соврала я.

На самом деле Демид спал спокойно. Это я не спала. Думала о Денисе. О его голосе на лестничной клетке. О его глазах, когда он спросил: «Он мой?»

- Кира, - Артем накрыл мою руку своей теплой ладонью.

– Я понимаю, что ты не ищешь отношений. Я понимаю, что я младше. Но я не понимаю одного.

- Чего?

- Почему ты не даешь себе шанса?

Я посмотрела на его руку. На наши пальцы, переплетенные на столе. Хорошая рука. Уверенная. Без тремора, который бывает у уставших сорокалетних мужчин.

- Артем...

- Не отвечай сейчас, - он убрал руку, но не резко, а мягко, давая мне пространство. – Просто подумай. Я рядом. Я никуда не спешу.

Он снова взялся за планшет, переключился на чертежи. Деловой, сосредоточенный. Без обид. Без давления.

И от этого я хотела сказать «да» еще больше.

Я вышла из его кабинета в восьмом часу. Офис был пуст, все разошлись. Только охранник маячил у входа, делая вид, что не смотрит в мою сторону.

Я села за свой стол, открыла ноутбук. Работать не могла. Смотрела на пустой экран и думала.

Артем. Тридцать лет. Молодой, красивый, талантливый. Строит карьеру, не обременен прошлым, не тянет за собой чемоданы старых обид. Смотрит на меня с восхищением, а не с болью. Не задает вопросов, на которые нет ответов. Не требует объяснений.

Идеальный вариант.

Почему же я не могу сказать «да»?

Я закрыла глаза и представила. Вечер. Ужин при свечах. Артем напротив. Улыбается, рассказывает о своих планах, строит грандиозные перспективы. Мы вместе. Мы пара. Мы...

Ничего.

Пустота.

Я открыла глаза, и передо мной стоял другой.

Денис. Сорок три года. Уставший, жесткий, с тяжелым взглядом, в котором вся наша общая боль. Который смотрит на меня так, будто я – единственная женщина на земле. Который задает вопросы, на которые я боюсь отвечать. Кото-

рый приехал ко мне через одиннадцать лет, чтобы спросить:
«Он мой?»

Господи.

Я зажмурилась, пытаюсь вытолкнуть его из головы.

Артем. Надо думать об Артеме.

Молодой. Перспективный. Нежный. Не будет задавать лишних вопросов. Не будет смотреть на Демида с этим жадным, пугающим выражением. Не будет претендовать на мою жизнь, на мою свободу, на мою выстроенную за одиннадцать лет защиту.

С ним безопасно.

С Денисом – никогда.

Но почему тогда, когда я представляю ужин с Артемом, внутри холодно? Почему я чувствую себя актрисой, которая играет роль в чужом фильме?

А когда представляю Дениса, внутри все переворачивается? Даже сейчас. Даже после одиннадцати лет. Даже после его предательства, после моего вранья, после всего, что было и чего не было.

Я сравнивала их, и это было нечестно по отношению к Артему. Нечестно, но я не могла остановиться.

Денис.

Взгляд тяжелый, пронзительный, видит насквозь. Смотрит так, будто читает душу. От него невозможно спрятаться. От него невозможно уйти. Он врывается в твою жизнь, ломает стены, переворачивает все с ног на голову. С ним страшно.

С ним больно. Но с ним по-настоящему.

Артем.

Взгляд мягкий, принимающий, без требований. Смотрит с восхищением, но не видит глубины. Он видит ту Киру, которую я показываю миру – сильную, независимую, справляющуюся. Он не знает меня настоящую. Он не знает, что я плачу по ночам. Что я боюсь будущего. Что я вру своему сыну об отце. Что я слабая. Что я устала. Что я... я все еще люблю мужчину, который меня предал.

Я схватила сумку, выбежала из офиса.

На улице дышать стало легче. Вечерний воздух, запах мокрого асфальта, шум машин. Я шла к машине, считая шаги, пытаюсь привести мысли в порядок.

Артем – это шанс. Шанс на нормальную жизнь, без прошлого, без Дениса, без этой вечной войны с самой собой. Он молодой, у него все впереди. Он сможет дать мне то, чего Денис никогда не даст – спокойствие, уверенность, отсутствие боли.

Но сможет ли он дать мне то, что давал Денис? Ту самую безумную страсть, от которой кружилась голова? Ту уверенность, что ты единственная? Тот огонь, который сжигал дотла и заставлял чувствовать себя живой?

Нет.

С ним будет тепло, уютно, безопасно. Как в доме, где горит камин. Спокойно, тихо, предсказуемо.

С Денисом – ураган. Разрушительный, опасный, непред-

сказуемый. Он ломает все, к чему прикасается. Но после него чувствуешь, что жил. По-настоящему.

Я села в машину. Положила руки на руль. Смотрела на старую вмятину на капоте, которую все никак не могла починить.

Денис. У него теперь новая жизнь. Новая женщина. Чужой сын, которого он пытается воспитывать. Он приехал в город четыре года назад, построил бизнес, забрал половину клиентов у моей компании, разрушил мое финансовое благополучие, даже не зная об этом. Он появился в школе, сел в кабинете директора и одним своим видом перевернул все, что я строила одиннадцать лет.

А теперь он приходит на тренировки. Смотрит на Демида. Ждет. Требуется ответов.

И я хочу ответить ему «да». Хочу сказать: «Он твой. Твой сын. Твоя кровь. Твое все».

Но не могу.

Потому что если скажу, он войдет в нашу жизнь. И я не смогу его выгнать. И Демид узнает правду. И все, что я защищала одиннадцать лет, рухнет.

Я не готова.

Мне нужен Артем. Мне нужен кто-то, кто вытеснит Дениса из головы. Кто заставит меня забыть его тяжелый взгляд, его голос, его руки, его...

Я завела двигатель. Выехала со стоянки.

По дороге домой я решила: завтра же скажу Артему «да».

Позволю ухаживать. Позволю надеяться. Позволю себе по-
пробовать жить без Дениса.

Смогу ли я? Не знаю.

Но попробовать стоит.

Потому что больше так жить нельзя.

Глава 9. Денис

Я ждал ее у подъезда уже час.

Вечер выдался холодным, сырым. Небо затянуло тучами, моросил мелкий дождь, от которого не спасала даже куртка. Я прислонился к капоту машины, смотрел на окна ее квартиры. Свет горел, но Демида не было видно. Наверное, сидел в своей комнате, делал уроки или смотрел что-то на планшете.

Я знал, что она скоро придет. Я видел ее машину на стоянке у офиса, когда проезжал мимо. Решил не ждать там. Не хотел, чтобы коллеги видели. Не хотел, чтобы она могла сбежать.

Нужно было поговорить. По-настоящему. Без вранья, без попыток отмахнуться.

Фары осветили двор. Ее старый «Фольксваген» вкатился на парковку, замер у подъезда. Я видел, как она замерла за рулем, увидев меня. Как сжала пальцы на руле.

Потом Кира вышла. Медленно, словно нехотя. На ней был тот же свитер, что и вчера, волосы растрепались, лицо уставшее. Красивая. Даже сейчас. Даже после всего.

- Ты опять здесь, - сказала она, остановившись в нескольких шагах.

- Нам нужно поговорить.

- Мы уже говорили.

- Ты мне не ответила.

Она усмехнулась. Безрадостно, горько.

- Ответила. Ты просто не хочешь слышать.

- Потому что ты врешь, Кира.

Она подняла на меня глаза. В них плескалась усталость, боль и что-то еще. Что-то, что я не мог прочесть.

- Зачем мне врать? – спросила она тихо.

- Я не знаю. Но тренер сказал...

- Тренер? – она вскинула брови. – Вадим Сергеевич? И что же он тебе сказал?

- Что Демид играет так же, как я. Что он – моя копия.

Кира отвернулась. Я видел, как напряглись ее плечи, как она сжала сумку, будто хотела ударить меня ею.

- Вадим Сергеевич хороший тренер, - сказала она глухо.

- Но он не генетик. Он видит то, что хочет видеть.

- А я? – сделал шаг к ней. – Я тоже вижу то, что хочу видеть?

- Не знаю, - она посмотрела на меня тяжелым прожигающим насквозь взглядом. – А что ты хочешь увидеть, Денис? Своего сына? Или свое отражение?

Я молчал. Потому что не знал ответа.

Она вздохнула, поправила сумку на плече. Сделала движение к подъезду, но я остановил ее.

- Кира, подожди.

- Чего ты хочешь? – развернулась ко мне резко, и в голосе зазвенела злость. – Чего ты добиваешься? Чтобы я сказала: «Да, он твой»? И что тогда? Ты уйдешь от своей блондинки,

бросишь Илью, которого уже два года пытаешься воспитать? Приедешь с чемоданом и скажешь: «Здравствуй, сын, я твой папа, прости, что опоздал на одиннадцать лет»?

- Я не знаю, - сказал честно. – Но я имею право знать.

- Право? – она усмехнулась, но в глазах стояли слезы. – Какое право, Денис? Ты отказался от этого права, когда ушел. Когда не спросил, почему я так резко решила развестись. Когда не приехал через месяц, через два, через год. Когда не попытался узнать, как я живу. У тебя было одиннадцать лет, чтобы спросить. Одиннадцать лет, чтобы иметь право.

Я молчал. Потому что она была права.

- Кира, я тогда не знал...

- А если бы знал? – перебила она. – Если бы я сказала тебе, что беременна? Ты бы остался?

Я открыл рот, чтобы ответить. И закрыл.

Остался бы я? Тогда, одиннадцать лет назад, когда мы разводились, когда орали друг на друга в суде, когда я был злым и уверенным, что жизнь только начинается, и я еще успею все... остался бы я?

Не знаю.

Она прочитала ответ на моем лице.

- Вот, - сказала она тихо. – Вот поэтому я молчала. Потому что не хотела, чтобы мой ребенок рос с отцом, который не уверен, нужен ли он ему.

- Но я бы...

- Ты бы что? – она повысила голос. – Ты бы остался из

чувства долга? Ты бы мучился, терпел, а потом все равно ушел? Через год? Через два? Когда Демид уже запомнил бы тебя, полюбил, привязался? А потом остался бы без отца уже не абстрактно, а навсегда, с травмой на всю жизнь?

Я сжал кулаки.

- Кира, прекрати.

- Нет, это ты прекрати! – она сделала шаг ко мне, и я увидел слезы, которые она больше не сдерживала. – Ты пришел, увидел мальчика, который на тебя похож, и решил, что мир должен перевернуться. Что ты имеешь право ворваться в нашу жизнь и все разрушить. А ты подумал, что будет с ним? С Демидом?

- Я думаю о нем! – выкрикнул я.

- О чем? О том, как он обрадуется, узнав, что его отец – чужой дядька, который живет с другой женщиной и воспитывает чужого сына? О том, как он простит тебе одиннадцать лет молчания? О том, как он бросится к тебе на шею с криком «папа»?

Она замолчала. Вытерла лицо ладонью. Взяла себя в руки так, как умела только она – резко, жестко, без права на слабость.

- Знаешь что, Денис, - сказала она тихо. – Даже если это так. Даже если Демид – твой сын. Что ты будешь делать?

Я замер.

- Попробуй завоевать его доверие, - она усмехнулась, но в усмешке этой не было радости. – Я тебя уверяю – малейшая

оплошность, и ты станешь его злейшим врагом на всю жизнь. Он не прощает слабости. Не прощает вранья. Не прощает тех, кто бросает. Вот такой вот характер у твоего сына.

У моего сына.

Она сказала это. Не «у Демида». Не «у мальчика». А «у твоего сына».

Я смотрел на нее, и слова застряли в горле. Она не подтвердила прямо. Но и не отрицала. Она сказала - «у твоего сына». Как будто это уже было решенным фактом. Как будто она устала врать.

- Кира...

- Не надо, - она подняла руку, останавливая меня. — Я ничего тебе не говорила. Я сказала «даже если». Понял? Даже если.

- Но ты сказала...

- Я сказала, что у него характер. И что ты не справишься. Потому что ты не готов. Ты не знаешь, что делать с правдой, если получишь ее.

Я хотел возразить. Хотел сказать, что готов, что справлюсь, что я его отец и имею право быть рядом. Но слова не шли. Потому что она была права.

Что я буду делать, если она скажет «да»? Приду к Демиду и скажу: «Здравствуй, сын, прости, что меня не было одиннадцать лет»? И что дальше? Он посмотрит на меня своими глазами – моими глазами – и спросит: «А где ты был?» И что я ему отвечу? «Я не знал»? А если спросит: «А если бы знал,

пришел бы?» И я снова не знаю ответа.

Я смотрел на Киру, на ее усталое лицо, на слезы, которые она прятала, на руки, сжимающие сумку так, будто это единственное, что удерживает ее на земле. И понимал, что она права в главном: я не готов. Я ворвался в их жизнь, требуя ответов, но не подумал, что буду делать с этими ответами.

- Я подумаю, - сказал я, наконец, но голос прозвучал глухо.

Она усмехнулась. Без злости, без насмешки. Просто устало.

- Думай, - сказала она. – Но пока не решишь – не подходи к нему. Не смотри на него так. Не давай надежды, которую не сможешь оправдать. Потому что если ты сделаешь ему больно... я его не остановлю. Он сам тебя уничтожит. И я ему помогу.

Кира развернулась и пошла к подъезду.

А я остался стоять под дождем. Смотрел, как открывается дверь, как она исчезает в темноте, как зажигается свет в окне кухни ее квартиры на третьем этаже.

Она права. Я не готов. Я думал, что хочу знать правду. Думал, что правда – это ответ, который все изменит. Но правда – это не ответ. Это вопрос. Самый тяжелый вопрос в моей жизни.

Что я буду делать?

Я сел в машину. Завел двигатель. Сидел, сжимая руль, и смотрел на свет в ее окнах.

Я должен решить. Не ради себя. Ради мальчика, который ждал отца одиннадцать лет. Ради женщины, которая одна растила его, работала на двух работах, сэкономила на всем, лишь бы он был счастлив.

Я должен стать тем, кого они заслуживают. Или уйти навсегда.

Третьего не дано.

Глава 10. Кира

Прошло два дня. Два дня тишины.

Денис не звонил. Не писал. Не приезжал. Я не знала, радоваться мне или бояться. Молчание могло означать все что угодно: он подумал и решил уйти, он подумал и затаился, он подумал и теперь что-то замышляет.

Я не могла сидеть сложа руки.

- Мам, ты чего? – Демид смотрел на меня с порога, когда я объявила, что сегодня пойду с ним на тренировку. – Ты никогда не ходишь.

- Буду ходить, - сказала я тверже, чем чувствовала. – Хочу посмотреть, как ты играешь перед турниром.

- Перед каким турниром?

- Ну... перед отчетным. Конец года же.

Он посмотрел на меня с подозрением. Демид всегда чувствовал, когда я что-то недоговаривала.

- Мам, ты уверена? У тебя же работа. Ты всегда говорила, что не можешь.

- Смогу. Я договорилась.

Я договорилась с Артемом. Вернее, он сам вызвался.

- Конечно, иди, - сказал он, когда я позвонила и попросила прикрыть меня на пару часов. – Я возьму твою часть на себя. Только будь на связи, ладно? Если заказчик что-то спросит...

- Буду, обещаю.

- Кира, - он помолчал. – С тобой все в порядке?
- Все хорошо. Просто... сыну нужно внимание.
- Понимаю. Дерзай.

Я отключилась и почувствовала укол совести. Он был так внимателен, так заботлив. А я использовала его прикрытие, чтобы следить за другим мужчиной. За мужчиной, который не звонил мне два дня.

Спортивный комплекс встретил меня привычным шумом. Мальчишки бегали по полю, тренер свистел в свисток, где-то на трибунах переговаривались родители. Я нашла свободное место, села, достала планшет.

Демид был в центре поля. Я смотрела на него с гордостью, смешанной с тревогой. Он вырос. Он стал сильным. Он стал тем, кем я хотела его видеть. И теперь кто-то мог отнять его у меня. Не отнять – забрать. Человек, который не имел на это права.

Я открыла рабочий чат. Артем уже прислал правки по нашему проекту, вопросы от заказчика, наброски новых чертежей. Я погрузилась в работу, пытаясь не думать о том, что на самом деле привело меня сюда.

Время шло. Мальчишки бегали, тренер кричал, я переписывалась с Артемом, проверяла сметы, правила визуализации.

- Кира Алексеевна, вы бы хоть на сына посмотрели, - окликнула меня знакомая мамашка с краю трибуны. – Он сегодня так здорово играет!

Я подняла глаза. Демид действительно играл. Он отдал пас, открылся, получил мяч, пробил – гол! Я зааплодировала, но слишком поздно. Момент был упущен. Демид даже не посмотрел в мою сторону. Он уже был в игре, в своей стихии, где мне не было места.

Я снова уткнулась в планшет.

Артем писал: «Кира, посмотри этот узел, мне кажется, здесь можно сделать лучше. Ты как считаешь?»

Я увеличила чертеж, всмотрелась. Он был прав. Я набросала ответ, объяснила, как можно переделать, приложила схематичный рисунок.

Артем ответил через минуту: «Ты гений. Я так и знал, что ты подскажешь. Давай в офисе это доделаем?»

Я улыбнулась. Хорошо, когда есть человек, который верит в тебя. Который не задает лишних вопросов. Который не врывается в твою жизнь через одиннадцать лет, чтобы все разрушить.

Я подняла глаза, чтобы снова посмотреть на Демида, и увидела его.

Денис.

Он сидел на противоположной трибуне, в пиджаке, и смотрел на поле. Не на Илью. Я проследила за его взглядом – он смотрел на Демида.

Сердце упало куда-то в пятки.

Он пришел. Несмотря на наш разговор. Несмотря на мои слова. Он пришел. Сидит там, смотрит на моего сына.

На нашего сына.

Я замерла, не зная, что делать. Подойти? Сделать вид, что не заметила? Уйти?

Денис не видел меня. Он смотрел на поле. На Демида. С тем самым выражением, от которого у меня внутри все переворачивалось.

Я заставила себя успокоиться. Конец года. Команда готовится к отчетному турниру, который определит состав на следующий сезон. Илья тоже играет. Денис пришел поддержать пасынка. У него есть для этого причина. Официальная. Законная. Не имеющая отношения к моему сыну.

Я почти поверила в это.

Почти.

- Кира Алексеевна, - снова окликнула меня соседка. – Вы сегодня какая-то нервная. Все в порядке?

- Да, все хорошо, - я улыбнулась, возвращаясь к планшету. – Работа просто.

Я снова открыла чат с Артемом. Он прислал новое сообщение: «Кира, ты где? У нас через час созвон с заказчиком, ты будешь?»

Я ответила: «Да, буду. Пришли мне презентацию, я посмотрю перед созвоном».

Артем скинул файл. Я открыла, начала листать, вчитываясь в цифры, проверять расчеты. Работа отвлекала от тревожных мыслей, от мужчины на противоположной трибуне, от страха, что все рухнет в любую секунду.

Я работала, смотрела на планшет, переписывалась с Артемом, делала пометки, правила. Демид играл на поле. Я знала это, но не видела. Я пропускала его пасы, его голы, его моменты. Я была здесь телом, но не душой.

А Денис был здесь. Смотрел. Ждал. Наблюдал.

Тренировка шла своим чередом. Я уже почти успокоилась. Ну пришел человек на футбол, ну и что, мало ли кто приходит, это же не преступление, я накручиваю себя, я...

- Судья! – заорал кто-то с поля.

Я подняла голову.

Игра остановилась. Мальчишки стояли кучкой в центре, кто-то разнимал игроков, тренер бежал к ним со свистком. Я видела, как Демид отряхивает форму, как Илья что-то кричит, размахивая руками, как тренер оттаскивает их друг от друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.